ЭНТОНИ ТРОЛЛОП

ДОКТОР ТОРН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Т71

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Т. Осиной*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Троллоп, Энтони.

Т71 Доктор Торн : [роман] / Энтони Троллоп ; [перевод с английского Т. Осиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 736 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-157724-7

Юная Мэри Торн влюбляется во Фрэнка Грешэма, наследника влиятельной, но обедневшей семьи. Чувства молодых людей взаимны, но родители Фрэнка настаивают, что он должен выбрать более богатую невесту и наладить пошатнувшееся финансовое положение семьи. Пока Фрэнк разрывается между чувствами к Мэри и сыновним долгом, доктору Томасу Торну, опекуну девушки, приходится решать, раскрыть ли тайну рождения Мэри, способную как изменить ее жизнь к лучшему, так и разрушить...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-157724-7

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Грешемы из Грешемсбери

Прежде чем читатели познакомятся с главным героем нашего повествования — скромным сельским доктором, — им будет полезно узнать некоторые подробности о той местности, где доктор вел практику, и о соседях, среди которых жил.

На западе Англии есть графство, не столь оживленное и знаменитое, как исполинские промышленные собратья на севере, однако очень милое сердцу каждого, кто близко с ним знаком. Главные достоинства этого прекрасного края — изумрудные пастбища, мягкие волны пшеничных полей, извилистые, тенистые и — добавим — грязные тропинки, дороги, ступеньки для перехода через изгороди, строгие старинные церкви, многочисленные особняки эпохи Тюдоров, богатые охотничьи угодья. Правила хорошего тона и всепроникающий дух семейственности превращают уютное графство в землю обетованную. Здесь повсюду царствует сельское хозяйство: и в производстве, и в бедности, и даже в удовольствиях. Конечно, существуют города, где окрестные жители покупают семена и бакалейные товары, ленты и совки для золы, где торгуют на рынках и танцуют на балах. Из городов, несмотря на все прошлые, настоящие и будущие реформы, по решению какого-нибудь ближайшего крупного землевладельца отправляют представителей в парламент; отсюда в де-

ревни являются сельские почтальоны, и здесь же размещаются необходимые для визитов почтовые лошади. Однако эти небольшие города не украшают графство, поскольку все за исключением одного — того, где происходят судебные заседания, — состоят из нескольких смертельно скучных улиц. В каждом подобном месте есть две колонки, три гостиницы, десяток магазинов, пятнадцать пивных, церковный сторож и рыночная площадь.

Говоря о важности графства, надо заметить, что численность населения не имеет значения — опять-таки за исключением судебного города, где также расположен собор. Здесь обитает обладающая должным авторитетом церковная аристократия. Епископ, настоятель и архидьякон, три-четыре пребендария, а также многочисленные капелланы и викарии вкупе с церковной свитой образуют сообщество, достаточно влиятельное, чтобы считаться авторитетным местным сословием. Во всех остальных отношениях величие Барсетшира полностью основано на могуществе землевладельцев.

Следует заметить, что в наши дни графство Барсетшир уже не настолько едино, как до принятия билля о реформе парламентского представительства. Да, сейчас существуют Восточный Барсетшир и Западный Барсетшир, а люди, хорошо знакомые с местной жизнью, утверждают, что уже замечают как некоторое несовпадение в чувствах, так и расхождение в интересах. Следует отметить, что восточная часть более консервативна по сравнению с западной. Последняя демонстрирует — или демонстрировала еще недавно — некоторую склонность к поддержке идей сэра Роберта Пиля. К тому же присутствие в западной части двух таких влия-

тельных представителей партии вигов, как герцог Омниум и граф Де Курси, замет-

но ослабляет авторитет и значение всех окрестных джентльменов.

Мы обратимся к Восточному Барсетширу. В то бурное время, когда упомянутое выше разделение лишь намечалось, а доблестные блюстители прежнего порядка если не с надеждой, то с энтузиазмом боролись с грядущими реформами, ни один воин не сражался столь же храбро, как Джон Ньюболд Грешем из Грешемсбери — член парламента от графства Барсетшир, но судьба и герцог Веллингтон распорядились иначе, и в результате в следующем составе парламента Джон Ньюболд Грешем уже представлял один лишь Восточный Барсетшир.

Сейчас нам уже не удастся выяснить, действительно ли, как утверждали современники, облик коллег, с которыми отныне предстояло общаться, разбил благородное сердце, однако доподлинно известно, что до конца первого года заседаний реформированного парламента Джон Ньюболд Грешем не дожил. Он скончался вовсе не старым. Его старший сын Фрэнсис Ньюболд Грешем к тому времени был совсем юным, и все же, несмотря на это и другие препятствия, суть которых еще предстоит объяснить, именно его избрали новым членом парламента. Действия Грешема-отца оставались слишком свежими, высоко ценились земляками и настолько соответствовали их чувствам, что они не могли выбрать кого-то другого. Таким образом, молодой Фрэнк Грешем стал членом парламента от Восточного Барсетшира, хотя оказавшие ему столь высокую честь земляки и понимали, что имеют весьма слабое основание для этого.

К двадцати четырем годам Фрэнк Грешем уже успел стать мужем и отцом, выбором супруги предоставив обитателям Восточного Барсетшира возможность выражать недовольство

и осуждать. Дело в том, что женился он на леди Арабелле Де Курси, сестре того самого графа — могущественного члена партии вигов, который жил в западной части графства. Да, граф не только сам голосовал за билль о парламентской реформе, но и активно склонял на свою сторону других молодых пэров, отчего его имя вызывало раздражение сквайров — стойких сторонников партии тори.

Фрэнсис Ньюболд Грешем вызвал недовольство избирателей не только столь непатриотичным выбором жены, но и близостью с ее родственниками. Да, он по-прежнему заявлял о своей принадлежности к партии тори, оставался завсегдатаем того самого клуба, одним из самых почетных членов которого слыл отец, не только принял непосредственное участие в великой битве, но и был ранен в голову. И все же славные обитатели Восточного Барсетшира не могли смириться с тем, что их кандидат завсегдатай замка Курси, а значит, не имеет права считаться истинным, полновесным тори. Однако, когда Грешем-старший умер, пробитая голова сделала свое дело: страдание за правое дело вкупе с заслугами отца перетянули чашу весов, и на собрании, состоявшемся в Барчестере, в таверне «Святой Георгий и дракон», было решено, что Фрэнк Грешем достоин занять его место.

Только вот место отца оказалось ему не по силам. Фрэнк хоть и представлял в парламенте Восточный Барсетшир, он был так пассивен и безразличен, так часто оказывался в союзе с противниками правого дела, так редко защищал прогрессивные идеи, что вскоре стал вызывать у всех, кто сохранил добрую память о покойном сквайре, презрение.

В то время замок Курси обладал множеством соблазнов для молодого человека, причем все они служили делу завоевания его серд-

ца и ума. Жена была на пару лет старше и обладала вкусами и взглядами вигов, приличествующими дочери графа — видного деятеля партии. Она значительно больше мужа интересовалась политикой — или делала вид, что интересуется. За два месяца до помолвки леди Арабелла была представлена ко двору и полагала, что политика английских правителей в значительной степени зависит от замысловатых интриг английских леди. Она бы с радостью что-нибудь сделала, если бы знала как, а потому прежде всего постаралась обратить молодого респектабельного супруга — приверженца партии тори — в мелкую шавку вигов. Поскольку хочется верить, что в дальнейшем повествовании характер этой благородной и почтенной дамы проявится в полной мере, описывать его более подробно сейчас нет необходимости.

Вовсе не плохо стать зятем могущественного графа — члена парламента от графства Западный Барсетшир, владельца прекрасного старинного английского поместья и не менее прекрасного состояния, так что молодой Фрэнк Грешем нашел новую жизнь весьма приятной. Он, как мог, утешал себя при виде кислых физиономий, с которыми его встречали члены собственной партии, и мстил им еще более активным общением с политическими оппонентами. Подобно мотыльку, он безрассудно полетел на яркий свет и, разумеется, опалил крылья: в начале 1833 года стал членом парламента, а осенью 1834-го вступила в силу реформа. Молодые парламентарии, как правило, не задумываются о возможности роспуска, забывают о чаяниях своих избирателей и слишком открыто гордятся настоящим положением, чтобы планировать будущее. Нечто подобное случилось с мистером Грешемом. Отец его всю жизнь

отстаивал интересы графства Барсетшир, и сын представлял будущее благополучие, словно оно входило в наследство, однако сам не предпринял ни единого из тех важных и решительных шагов, которые обеспечили Грешему-старшему почетное положение в обществе.

Осенью 1834 года пришло прозрение, и Фрэнк Грешем вместе со своей благородной супругой и самоуверенными родственниками Де Курси за ее спиной обнаружил, что успел смертельно оскорбить родное графство. К его глубокому недовольству, в парламент был выдвинут другой кандидат, и хотя Фрэнк мужественно сражался и потратил в борьбе десять тысяч фунтов, отстоять собственную правоту все же не сумел. Высокопоставленный член партии тори, втайне поддерживающий интересы вигов, не пользуется популярностью в Англии. Никто ему не доверяет, хотя находятся те, кто, несмотря на это, готов выдвинуть его на высокий пост. Именно так случилось с мистером Грешемом. Ради семейной выгоды многие желали сохранить за ним место в парламенте, однако никто не считал кандидата достойным этой чести. В результате последовало суровое и дорогостоящее соперничество. Получив упреки в измене с вигами, Фрэнсис Ньюболд Грешем отрекся от семейства Де Курси, а потом, из-за презрения и насмешек со стороны тори, предал старых друзей отца. Так, попытавшись усидеть сразу на двух стульях, он оказался на полу и в качестве политика больше так и не поднялся.

Да, Фрэнсис Ньюболд Грешем не сумел встать на ноги, но дважды совершил отчаянные попытки вернуть прежнее положение. В те дни по разным причинам выборы в Восточном Барсетшире проходили часто, и к двадцати восьми годам

мистер Грешем уже трижды выступил против графства и все три раза потерпел поражение. Честно говоря, сам сквайр ограничился бы потерей первых десяти тысяч фунтов, однако леди Арабелла обладала бурным темпераментом. Да, ее муж владел прекрасным поместьем, имел солидное состояние, но не был аристократом. Стало быть, в браке с рядовым дворянином она спустилась с высоты своего графского пьедестала. Ее светлость чувствовала, что супруг по праву достоин места в палате лордов, но если этого не случилось, то хотя бы в нижней палате. Если же она допустит, чтобы ее превратили в жену простого сельского помещика, то постепенно растворится в пространстве.

Под давлением жены мистер Грешем трижды бесславно и бесполезно участвовал в выборах, причем всякий раз дорого платил за поражение. Он терял деньги, леди Арабелла теряла терпение, и жизнь в Грешемсбери складывалась уже далеко не столь благополучно, как при старом сквайре.

За двенадцать лет брака детская наполнилась обитателями. Первым родился мальчик. В те счастливые безмятежные дни, когда еще здравствовал всеми почитаемый Джон Ньюболд Грешем, появление наследника было встречено с огромной радостью: по всей округе пылали костры, жарились массивные туши быков, с шумом, блеском и треском совершался обычный для богатых британцев праздничный ритуал, но с рождением десятого ребенка, причем девятой девочки, восторг выражался уже не столь бурно.

Потом пришли другие неприятности. Некоторые девочки оказались болезненными, а четыре так и вовсе очень слабыми. Леди Арабелла обладала кое-какими недостатками, которые причиняли серьезный ущерб как счастью мужа,

так и ее личному душевному благополучию, однако равнодушие к собственным детям среди таковых не значилось. Все годы она изо дня в день изводила мужа упреками: за то, что не прошел в парламент; за то, что не обустроил дом в Лондоне, на Портман-сквер; за то, что не пригласил зимой в Грешемсбери побольше гостей, — но сейчас сменила тему и стала то и дело жаловаться на то, что Селина кашляет, Хелен страдает лихорадкой, у бедной Софи слишком слабый позвоночник, а у Матильды пропал аппетит.

Следует отметить, что беспокойство по столь серьезным причинам вполне простительно: так оно и было, однако манеру выражения материнских чувств трудно назвать таковой. Кашель Селины не имел отношения к старомодной мебели на Портман-сквер, а позвоночник Софи не окреп бы от получения отцом места в парламенте. И все же, слушая, как леди Арабелла обсуждает проблемы в семейном кругу, можно было подумать, что она свято верит в связь событий и всерьез ожидает положительного воздействия правильного поведения мужа на здоровье дочерей.

Как бы там ни было, а милых болезненных крошек постоянно перевозили с места на место: из Лондона в Брайтон, из Брайтона на какие-то немецкие воды, из Германии обратно в Англию, в Торки. Увы, из Торки — что касается четырех упомянутых девочек — путь лежал туда, откуда дальнейшие переезды по желанию леди Арабеллы были невозможны.

Единственный сын и наследник поместья Грешемсбери носил имя отца: Фрэнсис Ньюболд Грешем — и непременно и заслуженно предстал бы в качестве главного героя нашего повествования, если бы почетное место уже не было

занято сельским доктором. Впрочем, желающие могут отдать пальму первенства ему, ведь именно Фрэнсис Ньюболд Грешем-младший станет нашим любимым молодым персонажем, выступит в любовных сценах, получит свою долю испытаний и трудностей, чтобы по возможности победить или вынужденно потерпеть поражение. Я уже слишком стар для роли безжалостного автора, а потому, скорее всего, Фрэнк не умрет от разбитого сердца. Так что те из читателей, кого не привлекает в качестве главного героя неженатый сельский доктор средних лет, вполне могут поставить на его место юного наследника Грешемсбери и при желании назвать книгу «Любовь и приключения Фрэнсиса Ньюболда Грешема-младшего».

Мастер Фрэнк Грешем вполне соответствовал традиционному образу действующего лица подобного рода. К счастью, он, в отличие от сестер, родился и вырос здоровым и, единственный мальчик в семье, оказался красивее всех девочек. С незапамятных времен мужчины семейства Грешем были хороши собой: с крупными чертами лица, голубоглазые, светловолосые, с ямочкой на подбородке и аристократическим изгибом верхней губы, в равной степени способным выразить как добродушие, так и презрение. Фрэнк-младший был настоящим Грешемом и радовал любящее сердце отца.

Члены семейства Де Курси тоже славились красотой. В походке, манерах, выражении лица, правда, неизменно присутствовало самомнение и высокомерие. И все же благородные леди и джентльмены явно не вели свой род ни от Венеры, ни от Аполлона: высокие, худые, с резко очерченными скулами, высокими, но узкими лбами и большими, выпуклыми, надменными, холодными глазами. Впрочем, женская часть Де Курси обладала

прекрасными волосами, а также живыми манерами и общительностью. Это позволяло дамам считаться красавицами вплоть до той поры, когда брачный рынок поглощал дебютанток: ведь в светском обществе красота уже не имела особого значения. К слову, все мисс Грешем унаследовали внешность Де Курси, отчего не стали менее дороги матушке.

Две старшие девочки, Августа и Беатрис, выжили в младенчестве и явно собирались жить дальше. Четыре следующие зачахли, умерли одна за другой — в один печальный год — и упокоились на аккуратном новеньком кладбище в Торки. За ними последовала пара близнецов: два слабых нежных хрупких маленьких цветка с темными волосами и темными глазами, с узкими бледными лицами и мелкими чертами, с длинными худыми руками и такими же ногами. Соседи смотрели на них и думали, что скоро бедняжки последуют за сестрами, однако малышки упрямо жили и не страдали так, как страдали те несчастные девочки. Кое-кто в Грешемсбери объяснял это сменой семейного доктора.

И вот в мир пришла последняя дочурка — та самая, чье появление на свет, как мы упомянули, не было отмечено бурной радостью, поскольку в это время четыре другие — жалкие, болезненные, с впалыми щеками, слабым скелетом и немощными бледными руками — ждали позволения покинуть мир.

Так выглядела семья Фрэнсиса Ньюболда Грешема к 1854 году, когда старший сын достиг совершеннолетия. Юноша уже окончил школу Харроу и поступил в Кембриджский университет, но, конечно, к столь знаменательному дню приехал домой. Для молодого человека, родившегося, чтобы унаследовать обширные угодья

и огромное богатство, совершеннолетие должно было стать необыкновенным событием. Неизбежны сердечные поздравления; горячие объятия, которыми седовласые старейшины графства встречают возмужание мальчика; нежные, почти материнские ласки соседок, знавших виновника торжества с пеленок и имевших замечательных дочек — достаточно привлекательных, воспитанных и образованных даже для него. Прозвучат тихие, смущенные, но искренние приветствия самих девушек: впервые они обратятся к приятелю не по имени, а торжественно и важно — по фамилии, причем подчиняясь скорее интуиции, чем ощущению, что настало время, когда следует отказаться от фамильярности. Каждый ровесник посчитает своим долгом хлопнуть виновника торжества по спине, назвать счастливчиком, напомнить, что кому-то повезло родиться в рубашке, и пожелать прожить тысячу лет, а то и вовсе не умереть. Арендаторы станут выкрикивать поздравления; фермеры — пожимать руку и желать добра; фермерские жены — целовать юношу, а сам он — фермерских дочек. Что и говорить: столь горячий прием сделал бы двадцать первый день рождения особенно приятным для молодого, полного сил и надежд наследника. Однако для наследника, осознававшего, что отныне получает одну-единственную привилегию: попасть под арест за долги, и больше ничего, удовольствие может оказаться не из приятных.

В случае с младшим Фрэнком Грешемом справедлив скорее первый, чем второй вариант, и все же церемония его совершеннолетия ничуть не походила на ту, которая была уготована отцу. Мистер Грешем-старший пребывал в весьма затруднительном финансовом положении. Хотя соседи этого не знали или, во всяком случае,

не представляли всей глубины затруднения, он не осмелился настежь распахнуть двери дома и принять земляков с таким размахом, словно дела шли прекрасно.

Ничего прекрасного и даже просто хорошего не было. Леди Арабелла ни в коем случае не допустила бы, чтобы в делах и обстоятельствах мужа что-то складывалось благополучно. Все вокруг вызывало досаду и раздражение; сквайр уже не был ни веселым, ни радушным, ни открытым соседом, так что обитатели Восточного Барсетшира не ждали пышных торжеств по поводу совершеннолетия единственного сына.

И все же кое-какой праздник состоялся. Поскольку совершеннолетие пришлось на начало июля, для арендаторов накрыли столы в тени старинных дубов. Угощали мясом, пивом и вином, а молодой Фрэнк обходил гостей, пожимал руки и выражал надежду на долгие, близкие и взаимовыгодные отношения.

Настало время сказать несколько слов о самом поместье. Грешемсбери представлял собой прекрасное старинное семейное гнездо, каковым остается и поныне. Но поскольку речь идет о прошлых временах, удобнее и проще описывать происходящее в прошедшем времени. Все поместье носило название «Грешемсбери-парк». Парк действительно присутствовал, но сам особняк назывался «Грешемсбери-хаус» и стоял не в парке. Деревня Грешемсбери представляла собой одну длинную беспорядочную улицу, которая в середине резко сворачивала влево, так что одна ее половина располагалась под прямым углом к другой. В этом углу и стоял Грешемсбери-хаус в окружении двора и сада. С обоих концов территорию отделяли от деревни массивные ворота, украшен-

ные двумя фигурами дикарей с дубинками, точно такими же, как на фамильном гербе. От каждых ворот к дому вела широкая прямая аллея из величественных лип. Импозантный особняк был построен в исключительно богатом и, следует добавить, невероятно чистом стиле архитектуры эпохи Тюдоров: до такой степени характерном, что хоть Грешемсбери и не столь совершенен, как Лонглит, и не столь великолепен, как Хатфилд, в некотором смысле его можно назвать самым прекрасным образцом архитектуры времен Тюдоров, которым может похвастаться Англия.

Особняк окружали ухоженные сады, отделенные одна от другой каменные террасы, не столь приятные взору, как обычные для сельских усадеб обширные газоны. Сады Грешемсбери были всем известны на протяжении двух веков, и горе тому Грешему, который осмелился бы самовольно внести хотя бы небольшие изменения: его тотчас обвинили бы в уничтожении одного из фамильных сокровищ.

Собственно Грешемсбери-парк раскинулся дальше, в другой части деревни. Напротив величественных ворот, ведущих к особняку, стояли двое ворот поменьше: одни открывали путь к конюшне, псарне и ферме, а другие распахивались в парк, где обитали олени, и представляли собой главный вход в земельные владения, причем вход весьма живописный и пышный. Ведущая к дому липовая аллея с другой стороны простиралась еще на четверть мили и упиралась в неожиданно открывавшийся взору холм с воротами. Здесь у портала также стояли два дикаря с дубинками, а сами массивные железные ворота возвышались, с обеих сторон сопровождаемые каменной стеной, на которой красовался фамильный герб, поддерживае-